

М. Ф. Косолапов

ПРАВО НА СВОБОДУ И ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ В ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЯХ КОМИТЕТА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

В статье рассматривается право на свободу и личную неприкосновенность, закрепленное в ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., с учетом практики деятельности Комитета по правам человека Организации Объединенных Наций. Автор анализирует правовые позиции, изложенные Комитетом в Замечаниях общего порядка к рассматриваемой статье (№ 8 и № 35), а также содержащиеся в соображениях, принимаемых им по итогам рассмотрения индивидуальных жалоб. На основе сравнительного анализа текстов Замечаний общего порядка № 8 (1982 год) и № 35 (2014) автором прослеживается эволюция взглядов Комитета относительно объема и содержания права на свободу и личную неприкосновенность, возлагаемых на государства обязательств. Особое внимание уделяется рассмотрению правовых позиций, изложенных Комитетом в соображениях, констатирующих нарушение права на свободу и личную неприкосновенность со стороны Российской Федерации и вошедших в текст Замечания.

Ключевые слова: Комитет по правам человека ООН, Международный пакт о гражданских и политических правах, замечание общего порядка, право на свободу и личную неприкосновенность, арест, содержание под стражей.

М. F. Kosolapov

RIGHT TO FREEDOM AND PERSONAL SECURITY IN LEGAL VIEWS OF THE UN HUMAN RIGHTS COMMITTEE

The article deals with the right to freedom and personal security guaranteed by the Art. 9 of the International Covenant on Civil and Political Rights in the light of case-law of the UN Human Rights Committee. The author analyses legal views adopted by the Committee and contained in General Comments on the relevant provisions (No. 8 and 35) as well as in its views adopted as a result of consideration of individual applications. On the basis of comparative analysis of General Comments No. 8 (1982) and No. 35 (2014) the author reveals evolution of the Committee's views concerning the scope and content of the right to freedom and personal security and of the relevant states' obligations. A particular attention is paid to legal approaches adopted by the Committee and contained in those views that find violations by Russian Federation of the right to freedom and personal security and that are included to the General Comments.

Key words: Human Rights Committee, International Covenant on Civil and Political Rights, general comment, right to liberty and security of person, arrest, detention.

Право на свободу и личную неприкосновенность, закрепленное в ст. 22 Конституции Российской Федерации, относится к числу основополагающих прав человека, получивших всеобщее международно-правовое признание. Конституционный Суд Российской Федерации рассматривает его как общепризнанный принцип (норму) международного права и в силу ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации как неотъемлемую часть национальной правовой системы. В своих постановлениях он неоднократно отмечал, что рассмотрение дел, связанных с предполагаемым нарушением

данного конституционного права, невозможно без обращения к действующим международным стандартам в данной области: ст. 3 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. (далее — МПГПМ), ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее — ЕКПЧ) [1].

Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации при обращении к действующим международным стандартам явно отдает предпочтение европейским стандартам, содержащимся в ст. 5 ЕКПЧ и постановлениях Европейского Суда по правам человека, в которых

дается ее толкование. Обращение же Конституционного Суда Российской Федерации к МПГПП и к практике Комитета по правам человека можно назвать фрагментарным: Суд, как правило, делает только общую ссылку на действующий международный стандарт. Аналогичная практика характерна и для Верховного Суда Российской Федерации, в постановлениях Пленума которого неоднократно обращено внимание нижестоящих судов на правовые позиции Европейского Суда, сделан акцент на необходимости их учета при рассмотрении уголовных дел [2]. Подобная практика, как представляется, может быть объяснена тем, что, правозащитный механизм на основе Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, являясь региональным, в большей степени учитывает культурные, правовые и иные традиции государств-членов, чем универсальный механизм, действующий в рамках ООН. Кроме того, по своей природе Комитет по правам человека, в отличие от Европейского Суда, является квазисудебным органом, и его решения (соображения) носят исключительно рекомендательный, а не обязывающий характер. Имеет значение также то, что правоприменительная практика ЕСПЧ (включая практику Европейской Комиссии, действующей до 1997 г.) значительно обширнее, чем практика Комитета. Вместе с тем в национальной правоприменительной практике в последние годы отношение к актам Комитета по правам человека и других аналогичных органов стало меняться. Факт вынесения Комитетом решения, констатирующего нарушение государством обязательств по договору, может являться основанием для пересмотра вступившего в силу судебного решения [3], аналогично постановлениям Европейского Суда, а Верховный Суд Российской Федерации в обзорах практики стал уделять внимание и правовым позициям комитетов [4].

Впервые в рамках российской правовой системы термин «правовые позиции» квазисудебных органов ООН был применен к их выводам, содержащимся в соображениях (мнениях), принимаемых по итогам рассмотрения индивидуальных жалоб на предполагаемое нарушение положений МПГПП. Именно под таким наименованием они были впервые систематизированы и опубликованы в Государственной автоматизированной системе «Правосудие».

В отличие от международной судебной процедуры, деятельность Комитета по правам человека ООН реализуется путем рассмотрения либо периодических докладов государств, либо

индивидуальных жалоб в случае предполагаемого нарушения государством положений Пакта. В результате Комитетом принимаются несколько видов актов: заключительные замечания, замечания общего порядка и решения по индивидуальным жалобам, которые именуются соображениями (мнениями). В качестве источников правовых позиций Комитета можно рассматривать все перечисленные акты.

Заключительные замечания носят персонифицированный характер, так как они принимаются по итогам рассмотрения национальных докладов о предпринятых государством мерах по реализации положений договора. Содержащиеся в них правовые позиции основываются на общих подходах и формулируются в связи с выявленными Комитетом отступлениями государства от предписаний Пакта. Например, в Замечании Комитета по итогам рассмотрения четвертого периодического доклада Российской Федерации (1995 г.) было отмечено, что «в соответствии с п. 3 ст. 9 Пакта содержание под стражей лиц, ожидающих судебного разбирательства, не должно быть общим правилом и когда это происходит, такие лица должны иметь право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение. Комитет озабочен тем, что предварительное заключение практикуется не только в случае обвинений в тяжких уголовных преступлениях, но гораздо чаще в случае обвинений в мисдиминоре, причем часто на неразумно продолжительный срок, а также тем, что отсутствует эффективный механизм контроля за такого рода задержаниями» (п. 16 Заключительного замечания) [5].

Правовые позиции также могут быть изложены в соображениях по итогам рассмотрения индивидуальных жалоб. Так, в Соображении «Vyacheslav Berezhnoy v. Russian Federation» сформулирована правовая позиция, касающаяся периода, в течение которого арестованное или задержанное лицо должно быть доставлено к судье или иному должностному лицу, осуществляющему судебную власть. В ней Комитет напоминает, что хотя точное значение словосочетания «в срочном порядке» может различаться в зависимости от фактических обстоятельств, задержка не должна превышать нескольких дней с момента ареста. По мнению Комитета, 48 ч обычно достаточно для транспортировки лица и подготовки к судебному заседанию. Любая задержка сверх 48 ч должна носить исключительный характер и оправдываться конкретными обстоятельствами. В отношении несовершеннолетних Комитет установил еще более строгий стандарт срочности — 24 ч [6].

В структуре Замечания общего порядка правовые позиции носят систематизированный

характер. Они основаны на обобщении Комитетом практики рассмотрения индивидуальных жалоб и периодических докладов государств и адресованы всем государствам-участникам Пакта и другим заинтересованным субъектам. Они направлены в первую очередь на разъяснение (толкование) положений Пакта и совершенствование процедуры предоставления докладов. Полагаем, что именно Замечания общего порядка являются наиболее удобным для внутригосударственного правоприменения источником правовых позиций.

Комитет за период своей работы дважды осуществлял обобщение практики реализации ст. 9 Пакта. Первое Замечание общего порядка, касающееся права на свободу и личную неприкосновенность, Комитет принял на своей шестнадцатой сессии в 1982 г. [7]. Оно достаточно лаконично и состоит всего из четырех пунктов; изложенные в них правовые позиции были сформулированы на основе анализа той информации, которую предоставляют государства в своих периодических докладах. Комитет отмечает, что государства часто узко подходят к трактовке права на свободу и личную неприкосновенность. В отличие от пп. 2 и 3 ст. 9 Пакта, применимых только в отношении тех лиц, которым предъявлено обвинение в совершении уголовных преступлений, ч. 1 должна применяться ко всем случаям лишения свободы (в случае психического заболевания, бродяжничества, наркомании и т. д.).

В силу недостаточности информации в отношении практики реализации ряда положений, например ч. 3 ст. 9 Пакта (о том, что арестованное или задержанное лицо по обвинению в уголовном преступлении должно быть «в срочном порядке» доставлено к судье или другому должностному лицу, которому принадлежит право осуществлять судебную власть), Комитет ограничился достаточно расплывчатой формулировкой «задержка не должна превышать нескольких дней». Аналогичная ситуация не позволила Комитету сформулировать четкую позицию и в отношении вопроса об общей продолжительности содержания под стражей до судебного разбирательства. По мнению Комитета, оно «должно рассматриваться как исключительная мера, и срок его должен быть как можно более коротким».

В остальном Комитет еще раз обратил внимание на требования, установленные п. 4 рассматриваемой статьи Пакта о необходимости предоставления компенсации в случае незаконного ареста (п. 5 ст. 9), о необходимости предоставления защиты данного права, исходя из

п. 2 и 3 ст. 9, а также ст. 14 Пакта.

Следующее Замечание общего порядка, касающееся права на свободу и личную неприкосновенность (№ 35) [8], было принято спустя 32 года и заменило собой Замечание № 8. Оно в значительной степени превосходит предыдущее Замечание по объему (состоит из 68 пунктов) и иначе структурировано (состоит из семи разделов, включая общие положения). Изложенные в нем правовые позиции отличаются более высокой степенью детализации, прослеживается эволюция взглядов Комитета. Так, например, в отношении уже упомянутого п. 3 ст. 9 Пакта появляются определенные ограничивающие сроки для доставки арестованного к судье. Обращает на себя внимание и тот факт, что изложенные в Замечании позиции сформированы на несколько иной правовой основе: помимо информации, предоставляемой государствами — участниками Пакта, базисом для их разработки стала практика рассмотрения Комитетом индивидуальных жалоб, а также практика работы других органов Организации. Об этом свидетельствуют многочисленные ссылки на соответствующие соображения Комитета, акты Генеральной Ассамблеи ООН. Данный подход делает процесс формирования правовых позиций Комитета транспарентным, придает им большую убедительность.

Проанализировать все правовые позиции, изложенные Комитетом по правам человека в Замечании общего порядка № 35, в рамках данной статьи не представляется возможным в силу их многочисленности. Мы коснемся лишь тех правовых позиций, которые были изложены в соображениях Комитета, принятых в отношении Российской Федерации, и затем включены в структуру рассматриваемого Замечания общего порядка.

Комитет отмечает, что согласно положениям ст. 9 Пакта, право на свободу и личную неприкосновенность не относится к категории абсолютных прав человека, однако любые ограничения свободы могут быть установлены не иначе как на основаниях и в соответствии с процедурой, которые установлены на законодательном уровне. В связи с этим любое лишение свободы, которое не предусмотрено этими основаниями и не соответствует прописанной в законе процедуре, Комитет признает незаконным и считает нарушением ч. 1 ст. 9 Пакта.

В практике Комитета по правам человека можно выделить несколько случаев, когда нарушение предписаний национального законодательства привело к признанию нарушений ч. 1 ст. 9 Пакта со стороны Российской Федерации. Первым среди них является Соображение «Gridin v. Russian Federa-

tion» [9]. В своей жалобе заявитель утверждал (помимо прочего), что он был подвергнут аресту без соответствующей санкции, и что в нарушение национального законодательства она была выдана только спустя трое суток после его задержания [10]. С учетом заявленных обстоятельств дела и в связи с отсутствием каких-либо комментариев со стороны государства-участника Комитет пришел к выводу, что заявитель был лишен свободы в нарушение процедуры, установленной законом, и, следовательно, со стороны Российской Федерации имеет место нарушение заявленного гражданином права (п. 8.1 Соображения).

В дальнейшем Комитет по правам человека, ориентируясь на свою правоприменительную практику, включая рассматриваемое Соображение, сформулировал ряд требований к государству-участнику, предъявляемых ст. 9, которые стали частью Замечания общего порядка № 35: государству необходимо на законодательном уровне регламентировать порядок осуществления разрешенного законом лишения свободы, а также обеспечить соблюдение данных процедур. На законодательном уровне должны быть регламентированы следующие вопросы: порядок ареста с указанием должностных лиц, уполномоченных производить задержание, а также случаев, когда для этого требуется ордер; когда требуется получение санкции на дальнейшее содержание под стражей («Gridin v. Russian Federation»); где могут содержаться отдельные лица, а также предельные сроки содержания под стражей (п. 23 Замечания).

По мнению Комитета, несоблюдение внутренних процессуальных норм, не связанных с вышеперечисленными требованиями, не всегда рассматривается как нарушение ст. 9 Пакта. При этом Комитет сослался на Соображение «Magz v. Russian Federation» [11]. В своей жалобе заявитель утверждал, что в отношении него была нарушена ч. 1 ст. 9 МПГПП, так как в вынесенном в его отношении приговоре в нарушение национального законодательства не была указана дата начала его тюремного заключения, тип и режим учреждения, в котором оно должно отбываться. В отличие от Соображения «Gridin v. Russian Federation» в рамках данной жалобы Комитет не выявил нарушения рассматриваемой статьи Пакта, указав, что «осуждение заявителя основано на судебном решении, вынесенном в соответствии с установленной законодательством процедурой, и что содержание информации, подлежащей включению в текст приговора, в соответствии с национальным законодательством государства-участника не подпадает под действие Пакта (п. 5.3

Соображения).

В части 2 ст. 9 Пакта провозглашены две важнейшие уголовно-процессуальные гарантии прав лиц, лишенных свободы: каждому арестованному сообщаются при аресте причины его ареста и в срочном порядке сообщается любое предъявленное ему обвинение. Комитет отметил, что необходимость информировать арестованного о причинах его ареста обусловлена обеспечением ему возможности добиваться освобождения, если он считает, что сообщенные ему причины являются неправомерными или необоснованными. При этом причины ареста не должны сводиться только к общим основаниям ареста, но и включать в себя достаточные фактические данные, указывающие на существо дела, включая противоправность деяния и личность предполагаемой жертвы (п. 25 Замечания).

Относительно второй гарантии, согласно которой арестованный должен информироваться о предъявленном обвинении «в срочном порядке», Комитет пояснил, что это не всегда должно быть при аресте. Если конкретные обвинения уже известны, сотрудник, производящий арест, может сообщить данному лицу о причинах ареста и обвинениях, или же власти могут разъяснить правовые основания заключения под стражу несколько часов спустя.

Особый интерес представляет правовая позиция, которая была сформулирована Комитетом при рассмотрении «российской» жалобы «Smirnova. v Russian Federation», впоследствии включенная в текст Общего замечания № 35. По материалам дела 5 февраля 1993 г. в отношении заявителя было возбуждено уголовное дело по статье о мошенничестве. Согласно информации заявителя она узнала о возбуждении против нее уголовного дела 14 сентября 1994 г., когда была арестована сотрудниками милиции (через 36 ч она была освобождена). 26 августа 1995 г. заявительница была вновь арестована и помещена в следственный изолятор. В своем замечании власти Российской Федерации отметили, что автор жалобы скрывалась от следствия, и обвинение ей было предъявлено заочно 5 апреля 1995 г. В своей жалобе Е. П. Смирнова заявила, что в отношении нее были нарушены ч. 2 ст. 9 и ч. 3 ст. 14 Пакта, так как ей было официально сообщено о выдвигаемых против нее обвинениях лишь 31 августа 1995 г.

На основе предоставленной информации Комитет не выявил нарушений указанных статей Пакта, так как, с его точки зрения, заявительнице было сообщено о выдвигаемых против нее обвинениях ранее, при первом допросе в сентябре 1994 г. Таким образом, «если власти уже известили лицо о расследуемых фактах до производства

ареста, п. 2 ст. 9 Пакта не требует того, чтобы они в срочном порядке повторно делали такое извещение (однако при этом сохраняется обязанность известить о причинах ареста)» [12].

Часть 3 ст. 9 Пакта включает в себя требование, согласно которому каждое арестованное или задержанное лицо в срочном порядке должно быть доставлено к судье или другому должностному лицу, которому по закону принадлежит право осуществлять судебную власть. Комитет неоднократно признавал нарушение данного требования со стороны Российской Федерации. Причиной этого являлась действовавшая долгое время в России практика санкционирования ареста прокурором. Согласно правовой позиции, изложенной Комитетом в Соображении «Reshetnikov v. Russian Federation» [13] и включенной в текст Замечания, прокурор по смыслу п. 3 ст. 9 Пакта не обладает необходимой объективностью и беспристрастностью для того, чтобы рассматривать его в качестве должностного лица, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть. Комитет отмечает, что Российская Федерация в своих комментариях к жалобам не предоставила достаточной информации, позволяющей сделать иной вывод.

Как следует из практики Комитета, в ряде случаев нарушение прав российских граждан произошло уже после принятия Конституции 1993 г., ст. 22 которой провозглашала, что арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускается только по судебному решению. Подобное отступление было связано с тем, что согласно п. 6 второго раздела Конституции Российской Федерации (Заключительные и переходные положения) до приведения уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации в соответствие с положениями Конституции сохранялся прежний порядок ареста, содержания под стражей и задержания лиц, подозреваемых в совершении преступлений. Данная практика была изменена только 1 июля 2002 г. после вынесения решения Конституционным Судом Российской Федерации [14]. Несмотря на это, последнее решение, где Комитет посчитал данный порядок нарушением Пакта, было вынесено осенью 2016 г. [6].

Необходимо отметить, что несоответствие законодательства и правоприменительной практики России требованиям Пакта было «длящимся» нарушением. Конституция СССР 1977 г., как и Конституция РСФСР 1978 г., принятые после ратификации Пакта, содержали несколько иной подход к санкционированию ареста: «Гражданам СССР (РСФСР) гарантируется

неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе как на основании судебного решения или с санкции прокурора» [15]. Он был обусловлен существовавшей на тот момент концепцией, согласно которой прокуратура рассматривалась как высший орган надзора за точным и единообразным исполнением закона, в том числе и в деятельности судов, что, с точки зрения национальных властей, вполне согласовывалось с требованиями ст. 9 Пакта.

Как представляется, для Советского Союза одним из вариантов избежать нарушений Пакта могло быть сделанное при его ратификации заявление (оговорка) об особенностях реализации данной нормы на территории СССР, как это было сделано Российской Федерацией при присоединении к ЕКПЧ, ст. 5 которой содержит схожие требования к процедуре ареста [16].

Позиция Комитета, согласно которой задержанный должен быть физически доставлен к судье или другому должностному лицу, уполномоченному по закону осуществлять судебную власть (п. 34 Замечания), нашло отражение в Соображении «Smirnova v. Russian Federation» [12]. В нем Комитет не посчитал выполненной ч. 3 ст. 9 в связи с тем, что решение в отношении лица было вынесено *ex parte* (односторонне, от имени одной стороны). При этом аргументация данного требования достаточно проста: физическое присутствие задержанных на слушании дает возможность узнать об обращении, которому они подвергались в заключении, т. е. служит гарантией реализации других провозглашенных в Пакте прав.

Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, отсутствие в Международном пакте о гражданских и политических правах и в Факультативном протоколе к нему положений, непосредственно определяющих значение для государств — участников соображений Комитета по правам человека и других принимаемых им актов, не предполагает право государства уклоняться от адекватного реагирования на данные акты [3]. Российская практика свидетельствует о том, что применение актов международных квазисудебных органов развивается с учетом тех же тенденций, которые были выработаны российскими судами в отношении постановлений ЕСПЧ. Так, Верховный Суд Российской Федерации в обзорах судебной практики, приводя правовые позиции относительно права на свободу и личную неприкосновенность, не делает каких-либо различий между позициями Европейского Суда по правам человека и правовыми позициями Комитета по правам человека [17].

Как представляется, изучение правовых

позиций Комитета по правам человека, их обобщение и анализ имеет важное значение не только для совершенствования российского законодательства и правоприменительной практики в сфере реализации и защиты права на свободу и личную неприкосновенность, но и для выполнения Российской Федерацией принятых на себя международных обязательств.

1. О проверке конституционности части пятой статьи 97 уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. В. Щелухина: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 14-П // СЗ РФ 1996. № 26. Ст. 3185.

2. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 (ред. от 05.03.2013). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; О судебном решении: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. По жалобе гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 статьи 403, частью четвертой статьи 413 и частями первой и пятой статьи 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 1248-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2013. № 1.

4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Заключительные замечания Комитета по правам человека по четвертому периодическому докладу Российской Федерации от 26 июля 1995 (CCPR/C/79/Add.54). URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 02.06.2017).

6. Vyacheslav Berezhnoy v. Russian Federation: соображения Комитета по правам человека от 28 октября 2016 г. (CCPR/C/118/D/2107/2011). URL: <http://juris.ohchr.org> (дата обращения: 12.06.2017).

7. Замечание общего порядка Комитета по правам человека № 8. Статья 9 (право на свободу и личную неприкосновенность) от 30 июня 1982 г. URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата

1. On the constitutional review of the paragraph 5 of the Article 97 of the Code of the Criminal Procedure of the Russian SFSR: Judgement of the Constitutional Court of the Russian Federation of 13.09.1996 N 14-П // Legislation Bulletin of the Russian Federation 1996. No 26. Art. 3185.

2. On the application by courts of general jurisdiction of general principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation: Resolution of Plenum of the Supreme Court of the RF of 10.10.2003 No 5 (as revised on 05.03.2013). Accessible at legal reference system "ConsultantPlus"; On legal judgments: Resolution of Plenum of the Supreme Court of the RF of 19.12.2003 No 23. Accessible at legal reference system "ConsultantPlus"; On the judicial practice on cases concerning protection of honor, dignity and business reputation of physical and legal persons: Resolution of Plenum of the Supreme Court of the RF of 24.02.2005 No 3. Accessible at legal reference system "ConsultantPlus"; On the application by courts of general jurisdiction of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of November 4, 1950 and the related Protocols: Resolution of Plenum of the Supreme Court of the RF 27.06.2013 No 21. Accessible at legal reference system "ConsultantPlus".

3. On the complaint of the citizen Horoshenko Andrey Nikolayevich on the violation of his constitutional rights by Paragraph 5 of Article 403, Paragraph 4 of Article 413 and Paragraphs 1 and 6 of Article 415 of the Code on Criminal Procedure of the Russian Federation: Resolution of the Constitutional Court of the RF of 28.06.2012 No 1248-O // Bulletin of the Constitutional Court of the RF. 2013. No 1.

4. Digest of court practice of the Supreme Court of the Russian Federation No 2 (2017). Accessible at legal reference system "ConsultantPlus".

5. Concluding observations on the fourth periodic report submitted by the Russian Federation. Human Rights Committee of 26 July 1995 (CCPR/C/79/Add.54). URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (reference date: 02.06.2017).

6. Vyacheslav Berezhnoy v. Russian Federation: views of the Human Rights Committee of 28.10.2016 (CCPR/C/118/D/2107/2011). URL: <http://juris.ohchr.org> (reference date: 12.06.2017).

7. General Comment No. 8. Article 9 (Right to liberty and security of person) of June 30, 1982. URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (reference date: 12.06.2017).

8. General Comment No. 35. Article 9 (Right to liberty and security of person) of December 16, 2014. (CCPR/C/GC/ 35). URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (reference date: 12.06.2017).

обращения: 12.06.2017).

8. Замечание общего порядка Комитета по правам человека № 35. Статья 9 (свобода и личная неприкосновенность от 16 декабря 2014 г. (CCPR/C/GC/ 35). URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 12.06.2017).

9. Gridin v. Russian Federation: соображения Комитета по правам человека от 20 июля 2000 г. (CCPR/C/69/D/770/1997). URL: <http://juris.ohchr.org> (дата обращения 12.06.2017).

10. УПК РСФСР 1960 г. URL: libussr.ru (дата обращения: 12.06.2017).

11. Marz v. Russian Federation: соображения Комитета по правам человека от 21 октября 2009 г. (CCPR/C/97/D/1425/2005). URL: <http://juris.ohchr.org> (дата обращения: 12.06.2017).

12. Smirnova v. Russian Federation: соображения Комитета по правам человека: от 5 июля 2004 г. (CCPR/C/81/D/712/1996). URL: <http://juris.ohchr.org/> (дата обращения: 12.06.2017).

13. Reshetnikov v. Russian Federation: соображения Комитета по правам человека от 23 марта 2009 г. (CCPR/C/95/D/1278/2004). URL: <http://juris.ohchr.org> (дата обращения 10.06.2017).

14. По делу о проверке конституционность статей 90, 96, 122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан С. С. Маленкина, Р. Н. Мартынова и С. В. Пустовалова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 марта 2002 г. № 6-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2002. № 3.

15. Конституция СССР 1977 года, Конституция РСФСР 1978. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

16. О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней: федер. закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.

17. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Gridin v. Russian Federation: views of the Human Rights Committee of July 20, 2000. (CCPR/C/69/D/770/1997). URL: <http://juris.ohchr.org> (reference date: 12.06.2017).

10. Code of criminal procedure of the RSFSR. 1960. URL: libussr.ru (reference date: 12.06.2017).

11. Marz v. Russian Federation: views of the Human Rights Committee of October 21, 2009. (CCPR/C/97/D/1425/2005). URL: <http://juris.ohchr.-org> (reference date: 12.06.2017).

12. Smirnova v. Russian Federation: views of the Human Rights Committee of March of July 5, 2004. (CCPR/C/81/D/712/1996). URL: <http://juris.ohchr.org> (reference date: 12.06.2017).

13. Reshetnikov v. Russian Federation: views of the Human Rights Committee of March 23, 2009. (CCPR/C/95/D/1278/2004). URL: <http://juris.ohchr.org> (reference date: 10.06.2017).

14. On the case of judicial review of Articles 90, 96, 122 and 216 of the Code on Criminal Procedure of the RSFSR on grounds of complaints of S. S. Malenkin, R. N. Martynov, S. V. Pustovalov: Judgement of the Constitutional Court of the Russian Federation of 14.03.2002 No 6-P // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2002. No 3.

15. Constitution of the USSR of 1977, Constitution of the RSFSR. Access from the Information and Legal Portal "Garant".

16. On the ratification of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and the related protocols: federal law of 30.03.1998 No 54-FZ // Legislation Bulletin of the Russian Federation. 1998. No 14. Art. 1514.

17. Digest of court practice of the Supreme Court of the Russian Federation No 2 (2017). Accessible at legal reference system "ConsultantPlus".

© Kosolapov M. F., 2018

© Косолапов М. Ф., 2018